

Абрамов Р.В.

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ
БЕЗ
НАКАЗАНИЯ**

Роман Валентинович Абрамов

Преступление без наказания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34107182

SelfPub; 2018

Аннотация

Рассказ о том, как государственная машина правосудия иногда даёт сбой, а человек, совершивший страшное преступление, остаётся без наказания.

Однажды, в ту пору, когда я еще работал адвокатом, а было это году в 2002-ом, пришел ко мне мужчина лет пятидесяти пяти. Вид у него был нездоровый: весь осунувшийся, изможденный, кожа на лице землистого цвета. И сам он был какой-то ссутуленный и как бы, извините за выражение, пришибленный.

Он неуверенно вошел кабинет, поздоровался, убедился в том, что имеет дело именно с адвокатом и, получив приглашение, сел на краешек стула возле моего письменного стола. Он снял шапку и, нервно теребя ее в трясущихся мозолистых руках, начал свое печальное повествование:

– Начну я с самого начала. У меня есть..., то есть была, дочь. Взрослая, замужем, двое детей младшего школьного возраста. Муж у нее, то есть мой зять, ни рыба, ни мясо. Слабохарактерный, инфантильный, часто сидит без работы, денег в дом не приносит... Весь дом на дочери. Да и дом тоже ее, мы с матерью подарили. В общем, отношения в семье не сложились, жили они кое-как.

Вы не подумайте, я свою дочь не оправдываю, что плохо, то плохо, я понимаю, но так уж получилось. Короче, завела она любовника себе на работе. Он ее начальник, мужчина солидный с положением, с деньгами. Сначала подарки дарил, затем подвозить домой стал, а уж потом и забирать из дома. В итоге, муж про все узнал. Хотя, чего греха таить, дочь особо то и не пряталась, а когда муж сказал о своих подозрениях, призналась во всем.

Он, конечно, грандиозный скандал устроил, нам с матерью позвонил, все рассказал. Мы приехали, дочь, естественно, отругали, но та нам в ответ и говорит, что, мол, мужа не люблю, от него все равно никакого прока, терплю из-за детей, привязаны они к нему. А начальника своего любит, он, говорит, готов жить с ней, если муж уйдет. Вот так-то вот. Что мы с матерью здесь подделаем? Посокрушались, поворчали, да и убрались восвояси ни с чем.

А зять от дочери уходить не собирается. То ли, правда, любит ее, то ли детей бросать не хочет, то ли жить ему негде. Не знаю где правда, но после скандала немного подуспокоился.

А под Новый год дочь заявляется домой выпивши, с цветами, дорогими подарками для детей, да еще подвез ее халхаль к самой калитке. А зять то тоже подшофе. Тут он опять скандалить, а она спокойно ему заявляет: его люблю, тебя нет, если что не устраивает, тебя никто не держит. И поворачивается дочь к нему спиной, цветы в вазу поставить. А он хватает кухонный нож и бьет ее в спину. Слава Богу, что она не успела пальто зимнее снять. Сукно на пальто толстое было, крепкое, нож в тело на пару сантиметров только и вошел. Дети все видели, сразу в крик, дочь нам звонить... Примчались мы с матерью снова, кричали сначала, чуть с зятем не подрался. Всем тогда досталось, дочку шалавой обозвал, мужа ее – оленем бесхребетным... Ну поскандалили в общем, и, потихоньку, перешли к семейному совету.

Долго разговаривали, до самой ночи, и порешили так. Дочь прощает мужу поножовщину, ни в милицию, ни в больницу не обращается (ранку пластырем заклеили, и все обошлось), и с любовником своим отношения прекращает. Зять же, в свою очередь, прощает жене измену, находит себе новую работу с хорошим заработком и более рьяно берется за хозяйство в доме.

Порешить то порешили, а на душе все равно тревожно. Не очень то я дочери поверил. Скрывать отношения будет, а прекратить не прекратит. А вдруг муж снова прознает, что тогда будет?

Ну и долго ждать не пришлось. На восьмое марта поздравили дочь по телефону, а в ближайшие дни планировали с матерью в гости к ней с внуками приехать, посидеть по-семейному. Через несколько дней звоню дочери на работу, не вышла, говорят. Звоню домой, зять отвечает, что дочь как восьмого марта уехала со своим любовником, так до сих пор и нет. Я заволновался, спрашиваю: в милицию обращался? в больницы, морги звонил? Отвечает, нет, не обращался, не звонил. Почему? Да я и знать, мол, не хочу, где эта шлюха валандается. Вот и весь сказ.

Я тогда бегом в милицию, так, мол, и так, ушли из дома, и не вернулась, четыре дня назад. Кстати в милиции, вопреки моим ожиданиям, основанным на слухах и общественном мнении, этим делом сразу заинтересовались. Ну, не то чтобы прямо обрадовались мне, но, по-крайней мере, отфутболи-

вать не стали. Сделали все сухо, чинно, по-деловому, то есть, все строго официально. Меня пригласили на третий этаж в уголовный розыск (это в Заводском отделе милиции), приняли заявление, тщательно расспросили обо всем. Я ничего скрывать не стал, рассказал все без утайки. Оперативника, который со мной беседовал, насторожили два момента. Первый – то, что муж не сообщил о пропаже жены; второй – показания мужа, что дочь уехала с бывшим любовником. Одним словом, в первую очередь под подозрение попадали и муж, и любовник. Напоследок мне сказали, что в ближайшие дни мне позвонят.

Мужчина замолчал, достал из кармана платок, вытер глаза, тяжело вздохнул и произнес:

– Извините, можно воды?

Я поднялся, налил из графина воды в стакан и передал его посетителю. Тот с жадностью начал пить. Я сидел и молча ждал, не считая нужным торопить рассказчика. Он допил воду, поставил стакан, поблагодарил меня и продолжил:

– Позвонили мне быстро, меньше, чем через неделю. Я, конечно, тут же приехал в милицию. Там мне рассказали, что встречались с любовником дочери, он не причем. Да он забирал ее из дома днем восьмого числа, но в этот же день, около одиннадцати вечера, привез домой. Это подтвердили дети. Также они сказали, что родители сильно поскандалили. Кассирша автозаправочной станции, что возле нашего дома тоже подтвердила, что любовник заправлялся там около два-

дцати трех ноль ноль и покупал сигареты. А работа его и дом находятся в других концах города. Выходит, любовник не виновен. Остается муж.

Он не сообщил в милицию о пропаже своей жены, скрыл, что она вечером вернулась домой, что они устроили скандал. Муж то остается, но доказательств мало. Так мне сказали. В общем, его пригласили к себе и применили к нему допрос... м-м... как это они сказали... допрос третьей степени устрашения. Не знаю, что это значит, наверное, били. Да?

Я вяло улыбнулся:

– Видимо без этого не обошлось. Знаете, иногда для достижения справедливости приходится преступать закон.

– Ну, я, собственно, не против, да и не мое это дело. В общем, зять, эта мерзость, это животное, признался во всем. Когда вечером дочь вернулась от любовника, он был уже на взводе и сразу кинулся на нее с упреками, затем стал драться. Дочь у меня была девкой отчаянной, вот и вцепилась ему в волосы. А он мужичек то так себе, не особо крепкий, да и трусливый. Но тут его что-то пробрало, совсем съехал с катушек... Короче схватил он топор и ударил дочь обухом прямо в висок. И все... убил с одного удара...

Вдруг рассказчик остановился, уткнулся лицом в ладони и затрясся. Он плакал. Я снова налил ему стакан воды и принял прохаживаться по кабинету. Успокаивать его не имело смысла. Мои слова утешения ничем не могли ему помочь. Через пару минут мужчина овладел собой, вытер лицо, глу-

боко вздохнул и продолжил:

– Извините, нервы. В общем, когда этот урод понял, что натворил, он завернул тело в ковер и отнес на двор. Затем вернулся с ковром, отмыл его, отмыл полы, а потом принялся за главное. Разрубил тело моей дочери на куски... и сжег его. Жег всю ночь. А наутро собрал пепел, отвез к берегу реки и зарыл в землю. Все это он рассказал в милиции.

При повторном допросе соседи поясняли, что слышали скандал, слышали крик моей дочери, слышали как, он резко оборвался. Затем слышали несколько часов стук топора и до самого утра чувствовали запах жареного мяса. Никто тогда не придал этому значения. Мало ли что там может быть. Может, поссорились, затем помирились и решили пожарить шашлыки. Праздник как-никак.

Арестовали, в общем, этого упыря. А вчера вот суд закончился. Знаете какой приговор? Два года общего режима!

– Как два года? – искренне удивился я, – Может он проплатил прокурору и судье?

– О чем Вы говорите? Откуда у него деньги? Чтоб адвокату заплатить в долги влез по самые уши, а Вы говорите прокурор, судья. Знаете, почему два года? Доказательств оказывается мало. Когда к нему пришел адвокат, еще на следствии, он запел по-другому. Это оказывается, моя дочь кинулась на него с топором, а он перехватил его и, пытаясь вырвать, случайно ударил ее этим топором по голове. Затем еще заключение экспертизы пришло интересное. Оказыва-

ется при исследовании пепла и фрагментов костей, было выяснено, что установить их принадлежность не представляется возможным. Ввиду того, что исследуемые образцы подверглись тепловой обработке, экспертиза смогла установить лишь, что останки эти органического происхождения и могли принадлежать как человеку, так и собаке, или свинье. Вы не удивляйтесь, что я так терминами владею, просто за все это время я наизусть все документы выучил.

И вот что мне теперь делать? Этот негодяй убил мою дочь, разрубил на куски, сжег, а через два года, а то и через год, если хорошо себя будет вести, вернется и будет воспитывать ее детей!

Я был удивлен, не очень обычную историю посчастливилось мне услышать. Мой посетитель дал мне время переварить все, обдумать. Затем он обратился ко мне с просьбой, ради которой собственно и пришел ко мне, обжаловать приговор суда.

Я согласился и составил неплохую, на мой взгляд, обширную, мотивированную кассационную жалобу. Мой клиент был ей доволен, но в областной суд пошел без адвоката. Почему, не знаю, он не объяснил, я не спрашивал, а навязывать свои услуги не стал.

Через месяц он ко мне снова пришел, и снова удивил. Осужденный, оказывается, тоже обжаловал приговор, и кассационным определением областного суда приговор был изменен: два года условно, то есть, выпущен на свободу.

Я не берусь комментировать решение суда, тем более, что как юрист я должен быть с ним согласен, но хочется сказать одно: зачастую юриспруденция не имеет ничего общего с наукой, а правосудие не имеет ничего общего со справедливостью.

конец

Орёл, 2013